АНДРЕАС ЭШБАХ

ТРИЛЛИОН ЕВРО

Европейский триллер

Антология
западноевропейской
современной фантастики

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Танассис Вембос родился в Афинах в 1963 году, изучал здравоохранение и компьютерное программирование, в настоящее время работает как журналист, автор научной фантастики, переводчик и исследователь паранормальных феноменов. Он написал сотни статей, перевёл дюжины чужих книг и написал почти дюжину своих. Пять научно-популярных книг посвящены отношениям между греческими мифами и паранормальными феноменами. Речь в них идёт о феях, НЛО, заговорах, странных смертях, массовых истериях, групповых самоубийствах, геомантических метках на поверхности земли и силовых линиях скрытых энергий, о магической архитектуре, площадках инициации и прочих святых местах. В своей книге «Звёздные войны — хроника одной химеры» Танассис Вембос ещё в 1997 году провидчески пишет о том, что американский интерактивный проект CD1 может пережить новое воплощение в связи набирающим силу во всём мире терроризмом.

Вембос живёт в Афинах, но постоянно разъезжает по миру «в поисках забытых мистерий, потаённых мест силы и тайн души Геи», как он сам говорит.

Его публикации в области научной фантастики — это два сборника рассказов и роман. В рассказах речь идёт о хайтеке и киберкосмосе, о перестройке человека, о глобальных катастрофах и об обществе, которое разрывает шок будущего. В его романе «Der Jahrestag», вышедшем в 1999 году, коллапс переживает не Советский Союз, а Запад, и когда господствующий над миром СССР в 2017 году в честь сотой годовщины своего существования засылает на Марс первую экспедицию с людьми на борту, среди государств Тихого океана образуется коалиция, которая хочет создать противовес советской империи. Этот роман получил «Graham Still Preis 2000» как лучший роман года, равно как и «Goldenen Icaromennipus Preis 2000».

Так что не надо удивляться, что мир, в который мы сейчас окунёмся, окажется обезумевшим информационным обществом, в котором всё определяет неутолимая жажда информации и которое лихорадит от наркотиков, секса и насилия. И эта горячка никогда не кончается и не может кончиться, потому что мир стал слишком ужасен, чтобы его можно было вынести на трезвую голову. Мы проследим здесь за мужчиной, который совсем не тот, кем кажется на первый взгляд, — мужчиной с совершенно безумной целью…

Что, если бы было возможно вести торговлю

воспоминаниями? Покупать и продавать собственное «я» человека? Возможность технического использования нашего духа — или его части — может довести, как мы сейчас увидим, до ещё более мрачных пророчеств.

(А. Эшбах)

- Танассис Вембос
  -

Танассис Вембос
Кто платит за переправу?

Понедельник

Дождь. Кислотный, горький, едкий. И жара. Парниковый эффект. На стене плазменный телеэкран со штекерным подключением к мозговому гнезду — для абонентов кабельных передач. Только для богатых. Остальные могут лишь пассивно смотреть тысячи интерактивных спутниковых каналов на мониторе, разделённом на несколько квадратных площадок.

Справа окно, которое редко открывается. За грязными стёклами — такая же грязная тёмная масса. Ветхие панельные дома, которые однажды рухнут. Нежилые. Небо — серое на сером. Слева — терминал для доступа в Интернет. Картинки, образы, ощущения — всё по цене один евро за секунду. Рядом коробка от Jonny Walker, полная сидюшников. Программы, распиливающие байты и снова сводящие их в новых сочетаниях и обрабатывающие их для новых статей. Дальше в сторонке — пустые бутылки от напитков, стаканы и скомканные упаковки от готовых блюд.

Вечер вторника

Погрузившись в своё продавленное кресло, подаю через дельта-активатор мысленные приказы о переключении каналов. На голове у меня синхро-шлем от Sony, который проецирует на сетчатку рекламные блоки. Как алчны люди XXI века, как они охотятся за информацией… Но им не хватает каналов связи. У них нет удовлетворительного доступа к океану Интернета. Люди, у которых для восприятия есть только глаза, уши и кожа. Ну, разве что ещё какое-нибудь хромированное штекерное гнездо на затылке. Убогий шлюз, отделяющий нас от океана.

Я разглядываю свою правую руку. С виду она как настоящая. Протезисты поработали хорошо. На запястье видны даже золотистые волоски. Металлические нервы и оптические волокна для передачи нейрональной информации время от времени издают тихое электрическое потрескивание.

Я закуриваю ещё один «Голден джойнт». Пепельница на

подлокотнике кресла уже переполнена. Несколько окурков валяются на полу. Они оставили в пыли свои отпечатки. Как следы Нейла Армстронга на Луне. Однажды, когда отключилось электричество, я, наполненный гулом «бонка», целый день просидел, не двигаясь и таращась на эти отпечатки. Они напоминали мне мечту о космосе, которая уже много лет как развеялась. Человек на Луне. Это звучало как сон. Это и был сон.

«Голден джойнт». С чистейшей марихуаной с экологических плантаций острова Эгина. Чудовищно дорогие, но стоят того. Эйфория, достигнутая химически, по сходной цене.

Снаружи раздаётся гром. Кислотный дождь растворил смог и превратил его в серые ядовитые капли, которые беззвучно стекают по стёклам, оставляя на них серые потёки.

Я медленно встаю из кресла. Плазменный телевизор у меня почти не выключается. Он — моё окно во внешний мир, к потоку информации, образов и данных, которые роятся в атмосфере. Сейчас на экране мерцает реклама новейших биокомпьютеров в сотни ультрабайтов. Коммуникация с миллионами пользователей по всей планете. Обмен данными, картинками, информацией по доступным ценам.

Я выглянул в окно. Какой-то видеонаркоман, шагая вперёд, ловко поводил своей радарной штангой оранжевого цвета, чтобы огибать препятствия. На голову его был нахлобучен глухой шлем без окон, внутри которого маленькие мониторы непрерывно показывали фильмы, рекламу, новости, порно и спортивные передачи. Видеонаркоман практически никогда не снимает свой шлем. Поравнявшись с моим окном, он ловко обогнул автоматическое такси, которое рыскало в поисках пассажира. Такси притормозило на углу, чтобы не столкнуться с сутулым стариком, волочившим за собой две огромные сумки, и включило свою мигалку, поскольку явно засекло потенциального пассажира.

В моей комнате воняло сигаретным дымом, спёртым воздухом и гнилью. Я достал из холодильника пиво — холодное, крепкое, светлое. Сделал несколько глотков. Ровно час дня. Мне надо было написать новую статью. Срок сдачи — к вечеру четверга.

Я нажал на несколько кнопок на панели модема, который соединил меня с Интернетом. В электронном индексе я набрал генератор определений, который начал вырабатывать подходящие заголовки для моего текста.

Утро среды

Я вошёл в Интернет. Три миллиона терабайт, выбрасываемых в окружающий мир дюжиной передатчиков, расположенных на трёх континентах Земли. Вот информация в реальном масштабе времени, касающаяся космического отеля фирмы «Симидзу». Отпуск для денежных мешков, секс в невесомости, невероятный опыт в лучах земного света с гейшами и «экстази» в гигадозах. Очень много материала из новейшего электронного журнала, вышедшего только вчера. Каждый день в обращении — сотни журналов. Информация о всемирной нехватке банков органов для трансплантации…

Память моего терминала уже переполнена. Надо бы её почистить, всё лишнее стереть и оставить только необходимое. Как-нибудь надо это сделать.

Я нажал несколько кнопок. Заголовок для своей статьи я уже выбрал: «Камасутра и магические сексуальные практики Кроули в космическом „Хилтоне“». Статья будет готова через десять минут. Затем немного шлифовки, и я смогу пуститься на поиски покупателя. С хорошей поисковой программой можно за день найти до трёх заинтересованных клиентов. Потенциальных покупателей, которые хорошо платят за хорошую статью. Драгоценные евро, пройдя через мини-принтер, становились свежеотпечатанными тысячными купюрами. Достаточно на недельные расходы. На следующей неделе — такая же работа. Хлеб насущный.

Я был журналистом особого рода, специализирующимся на сокровенных сторонах космических полётов. Работа с фиктивным прошлым, ненадёжным настоящим и нулевым будущим. На канале «ANT-2» сообщалось, что в следующем году появятся программы, которые постепенно возьмут на себя работу специальных журналистов за более низкую цену. Программы жутко дорогие, но в течение двух лет их качество может улучшиться настолько, что они смогут заменить журналистов.

А там, глядишь, и читателей-пользователей.

Вечер четверга

Неожиданно быстрый успех в поиске клиента. Четыре покупателя за первые же полчаса. Мини-принтер начал урчать и издавать металлическую отрыжку. Денежные купюры были отпечатаны за несколько минут. Когда я их собирал, металлические нервы в моей ладони потрескивали.

Когда в начале века я начал работать независимо, то был простым журналистом с простым компьютером, подключённым к

простой сети ISDN. Я выполнял всю свою работу один. Чем больше прогрессировала техника, тем выше становились требования к редакторам, тем больше нарастала масса информации и тем специфичнее становилась тематика. Информатика развивалась всё быстрее, пока целиком не вышла из-под контроля; она превратилась в паводковую волну, которая всё снесла. Она затопила Землю и космос.

Спустя десять компьютеров и тридцать лет после этого я по-прежнему оставался журналистом, но вся работа уже выполнялась программами.

Мой первый компьютер, древний системный блок со сломанным жидкокристаллическим монитором, стоял теперь в углу, скрытый слоем пыли и мятой, пожелтевшей бумагой для принтера. Иногда ночами мне чудится, что на его экране поблёскивают небесно-голубые буквы.

Первые годы в профессии доставляли удовольствие. Потом пришлось работать всё больше и при этом архивировать информацию, которая устаревала ещё до того, как была введена в банк данных. Потом для автоматического архивирования уже не хватало программ. Я всё забросил, и это было верное решение. Данные в форме микроволн, радиоволн и сигналов летели к земле, по воздуху, со скоростью света пересекали моря по межконтинентальным оптическим волокнам. Стало невозможно заархивировать даже миллиардную долю ежедневного потока информации на планете. Вчера на 76-м канале говорили, что объём производства данных в Интернете каждый год утраивается. Куда же деваются неиспользованные данные — в преисподнюю пропавших?

После информационного взрыва произошёл и взрыв экологический. За несколько месяцев температура по всему миру поднялась на несколько градусов. Учёные уверяли, что это невозможно, но это всё равно произошло. Полярные льды начали таять. Голландия, Бангладеш, Египет, Мальдивы, Флорида ушли под воду. Пусковые установки мыса Канаверал торчали из потоков грязной жижи, как сюрреалистические виселицы. Миллионы людей погибли в войнах, которые разразились сразу после этого. Озоновый слой тоже исчез. В Вашингтоне фанатичные исламисты взорвали краденую русскую атомную боеголовку. Ответом американцев стал атомный гриб, который поднялся над Тегераном. Толпы нищих из Северной Африки и Центральной Азии хлынули в Западную Европу и принесли с собой давно забытые эпидемии. Туберкулёз, чума, холера, тиф и малярия свирепствовали в бесконечных трущобах, которые

распространились вокруг укреплённых центров Парижа, Лондона, Берлина, Рима, Мадрида и Афин. Уцелели лишь считаные центры цивилизации.

Локальная атомная война разразилась между Украиной и Казахстаном, союзниками которого были Таджикистан и Иран. Киев и Астана уже представляли собой руины, заражённые радиоактивностью. Радикальные палестинцы опустошили Израиль мутирующими арбовирусами, которые избирательно убивали только евреев.

Свихнувшийся командир русской подводной лодки выпустил все имеющиеся в наличии ракеты по Среднему Востоку. Аравийские пески ночами светились от радиоактивности, а тысячи нефтяных скважин горят и по сей день, хотя минуло уже много лет. Америка закрыла свои границы и расстреливала каждый самолёт, который приближался к побережью ближе, чем на тысячу километров.

Китай купил всю американскую космическую инфраструктуру и господствовал в космосе.

Я жил в малонаселённом гетто Афин с магрибинцами, албанцами, иммигрантами из Скопье и турецкими беженцами. Греков тут было совсем немного. В обветшавшем многоэтажном доме, где я жил, кроме меня, больше не было никого. В позапрошлом году сюда вторглась группа захватчиков, болгары, радиоактивно заражённые беженцы из Козлодуя. Я их всех убил. Теперь их трупы догнивали на первом этаже, отпугивая других желающих. Вечерами в темноте скелеты фосфоресцировали. Весь дом принадлежал мне.

В центре Афин ещё судорожно пульсировала жизнь, особенно в редкие дни, когда проглядывало больное солнце. Пешком до центра было двадцать минут ходу.

Это был хороший день. Настолько хороший, что даже маска не требовалась. Я сунул в карман «вальтер», — один словацкий хакер продал мне его несколько лет назад за две дискеты с вирусами.

По улице слонялись нищие африканцы, филиппинцы и арабы в грязных джелябах. Я увидел группу греков. Их можно было узнать по белым складчатым юбкам-фустанеллам. В одном углу какой-то технофрик установил свой стенд и продавал вьетнамские модемы для доступа в национальную информационную сеть. Наверняка какой-то слабоумный. Несколько подростков рылись в вёдрах с малайзийскими микрочипами. Немного поодаль какая-то группа устроила праздник весеннего равноденствия с дионисийскими плясками.

За плясками наверняка последуют оргии. В середине хоровода горели компьютеры и мониторы. Всякий раз, когда они лопались, осколки разлетались во все стороны. Многих уже поранило, но это, кажется, никого не пугало.

Один мой друг, который несколько месяцев назад добрался до греко-македонской границы выше Лариссы, говорил мне, что на границе существует много центров верующих, которые живут в монастырских общинах и практикуют ритуальный каннибализм и магические взывания к Ктоулосу. Почитание великих предков было религией, имеющей много приверженцев в Греции. Её священнослужители заканчивали духовную школу Нео-Аркама, где-то на побережье Ионического моря, вблизи Лехены.

Ближе к центру города, между тем, кипела жизнь. Группа светловолосых детей играла в выгоревшей машине. Большинство из них были покалечены. Наверно, дети беженцев из Украины.

Тут было много стендов технофриков и торговцев, которые продавали комплекты для микробных мутаций. Были тут кабины с автоматическим тестированием на СПИД. Моё внимание привлекла броская вывеска. Она относилась к элегантному магазину, открытому недавно некой компанией. Они продавали искусственную память. Я знал, что девять из десяти их клиентов попадали потом в психушку, но это не мешало людям выстраиваться к ним в длинную очередь. Новое вызывало интерес.

На площади Омония всё было в движении. Машины как на электрическом, так и на бензиновом приводе, а также телеги и тарантасы, влекомые лошадьми или верблюдами, создавали транспортный поток, который медленной воронкой кружил вокруг кратера посередине площади. Кратер вёл к заброшенным туннелям метро. Вокруг кратера, рядом с огромными кучами мусора, стояли цыганские шатры.

В катакомбах туннелей жили сотни людей, которые никогда не видели солнечного света. Они селились в брошенных вагонах, штольнях и дырах. Вечерами они выходили на поиски пищи.

Разномастный народец, образовав несколько маленьких групп, обсуждал последние новости, которые передавали по национальным и спутниковым каналам. Группа арабов продавала еду с тележек-закусочных. Еда была черна от мух. Чуть дальше хорошо одетый господин средних лет в старомодных очках быстро что-то говорил в свой карманный видеотелефон. На нём был очень дорогой костюм. Скоро на него стали обращать внимание. Через несколько минут он втиснулся в электрический трёхместный «судзуки» и исчез. Возможно, биржевой маклер,

который связывался с каким-нибудь агентом в другом конце мира. Я спросил себя, что такому типу делать в центре Афин. Это был представитель элиты, которая держит в руках поводья цивилизации, несущейся с бешеной скоростью по индустриальным центрам Европы, Америки и Тихоокеанского Союза.

Это была большая редкость. Нечасто представляется случай столкнуться лицом к лицу с жителем Северной зоны. В Северной зоне, по ту сторону стены предместья Халандри, жили денежные мешки, которые окопались в своих домах-крепостях и держали оборону при помощи боевого оружия — какое ещё осталось от греческой армии, — и собственной частной полиции.

Я купил себе порцию суши и несколько плохо прожаренных соевых крокетов. Еда имела вкус газетной бумаги, но была сытной. Покончив с этим, я направился к «бонк»-автоматам и бросил в щель монету. Внутри автомата послышались металлические щелчки, и в лоток выпала маленькая двухцветная капсула. Я разломил её и открыл. Зелёные кристаллы светились. Я втянул их ноздрями. Хорошо, очень хорошо.

Мир вокруг меня поблек. Группки людей отдалялись всё больше, становились чужими, микроскопически мелкими. Всё приходило в состояние покоя. Солнечный свет теперь уже не слепил так сильно, и я сел на разбитую капитель, которую кто-то приволок сюда из разграбленного много лет назад археологического музея. Я почувствовал, что моя искусственная рука заледенела. «Бонк» плохо действует на кибернервы. Но что поделаешь.

Перед тем, как потерять контакт с миром, я успел почувствовать, как чья-то рука обшаривает мои карманы. Я достал пистолет и выстрелил. Лысая девушка в ботинках разнорабочей и в одежде каторжанки рухнула на землю, в груди у неё зияла дыра.

Когда я пришёл в себя, уже наступила ночь. Труп девушки около меня окоченел. Над ним кружили мухи.

Толпа людей стала гуще, тут и там горели костры. Несколько новых язычников выгружали из древнего фургончика ящики. Они готовили хеппенинг и раздавали рукописные листовки из пергаментной бумаги. Моя голова всё ещё гудела. Очень хорош этот «бонк». Лучшее, что за последние годы выдумали разработчики наркотиков.

Однорукий парень с длинными волосами и бородой дал мне листовку. Она была написана на новом диалекте — смеси из греческого и сборного. Я прочитал:

«Ты, $одинокий человек, отрезанный от природы, ты прозябаешь, потерянный в лабиринте, в &^#@$ $киберсетях, I/O Error: иди и примкни к нам! Приходи и наслаждайся с нами оргией Диониса, которая есть истинная сила $матери-$земли-природы. Cool you Fool!! *.* Bonsai!!?? Антихрист великий бог *%Пан. Развлекись…»

На этом месте безграмотная листовка кончалась. Бумага была оторвана.

Ступни у меня были всё ещё онемевшими, но, после того как я прошёлся туда-сюда и размялся, стало лучше. Костры и неоновые огни создавали своеобразную атмосферу. В воздухе пахло горелым, тухлым и немытыми людьми.

Я пришёл в клуб «Бизе», перед которым собралась огромная толпа. Гигантские вышибалы у дверей, два биоклона с мрачными рожами, проверяли документы и со скоростью улитки впускали людей внутрь. Рядом с каждым стояло по ящику с щелью. Они совали документы в эту щель. Если загоралась красная лампочка, это значило, что у посетителя есть работа и жильё, следовательно, его можно впустить. Я был зажат между арабами в джелябах, несколькими чёрными с атлетическими телами и ещё какими-то людьми в костюмах астронавтов с яркими эмблемами. На своих шлемах они написали маркерами: «Звёздное путешествие». Наверняка это были участники движения Артура Кларка, те, кто верил, что заселение космоса — единственный выход для людей. Бедные мечтатели! Когда-нибудь я напишу статью и о них.

Подошла моя очередь, и я оказался перед огромным биоклоном. Это был колосс весом не меньше ста пятидесяти килограммов, накачанный стероидами и гормонами роста. Его искусственно развитые мускулы чуть не разрывали тесную рубашку. Я протянул ему свой паспорт, который исчез сначала в его гигантской лапе, а потом в щели прибора. Красная лампочка. Клон дал отмашку, пропуская меня внутрь. Я был допущен.

Прежде чем войти, я увидел, что прибор, который стоял около другого клона, задымился. Последовал взрыв, клон застонал и схватился за лицо. Кто-то впарил ему фальшивый паспорт, заражённый вирусами. Клон был выведен из строя. Паспорта-бомбы были последним приколом, имевшим хождение в нелегальном обороте.

В толпе поднялся визг и смех. Второй клон достал револьвер и принялся палить наугад во все стороны. Люди с криком

разбежались, оставляя за собой раненых. Я поспешил скрыться внутри, пройдя мимо двух гологрудых девиц, которые проверяли посетителей металлодетекторами. У одной из них на шее была опухоль размером с апельсин. У второй один глаз был жёлтый, а другой — небесно-голубой. У обеих — огненно-красные волосы и подбитые гвоздями футбольные бутсы на высоких каблуках.

«Бизе» считалось хорошим заведением. Когда-то здесь была ратуша, которую потом разграбила и подожгла разъярённая толпа. Десять лет назад её отремонтировали и открыли в ней клуб. В нём можно было встретить интересных типов, которые, кроме того, занимали и относительно хорошее общественное положение. Мужчины и женщины. Многие денежные мешки развлекались здесь после рискованной вечерней поездки в центр города. Для меня здесь было идеальное место, чтобы грести деньги лопатой. Я часто сюда захаживал.

Стены были выкрашены в чёрный цвет, и постоянно работали стенные телевизоры, звук которых заглушала музыка. Головы на экранах открывали и закрывали рты, но их не было слышно. Яркие неоновые светильники освещали людей снизу.

Клуб был забит до отказа. Технофрики, кибержертвы, девушки, взгляд которых оцепенел от розовых таблеток суперэкстази, поглощаемых каждую пару минут. Молодые люди в дорогих шмотках, предельно взвинченные. Большинство были в шляпах, армейских шлемах, цилиндрах или шерстяных шапочках с маленькими стробоскопами. На заднем плане стоя совокуплялась парочка. Кто-то снимал их на видео. Группы танцевали, пили и беседовали о моде, о компьютерах, о новых психотропных средствах, о космических полётах и о музыке.

— Летом я отправляюсь в космический «Хилтон». Мои старики оплачивают…

— А мне бы хотелось совершить путешествие вокруг Луны на «Нерва-экспресс»…

— Хорошая мысль! Только придётся тебе десять лет подряд непрерывно раздвигать ноги, чтобы суметь купить билет!

— Это что, было в последнем реалтайм-выпуске «Tsak»?

— Я видел новейший болевой клип «Urban-Decadence» на MTV-3. Ничего особенного, кстати…

— На следующей неделе «Giga-Byte» играет в «Родоне», последний шанс основного состава.

— Разве их ещё не распустили?

— Нет.

— Нет ли у тебя желания быстренько перепихнуться?..

— Почему бы нет…

Я заказал двойной афинский слинг и забился в дальний угол. Музыка становилась громче. Должно быть, это была «$Muscleflex-G» с их новейшим хитом. Бас долбил мне прямо по желудку. Я чувствовал, как гудят металлические нервы моей руки. Одним глотком опорожнив стакан, я заказал ещё один у зеленоволосой официантки в металлическом платье. И закурил «Голден джойнт». Жалко, что в клубе не было «бонк»-автоматов. Лавочке ещё было над чем поработать.

К пяти часам утра ряды поредели. Осталось лишь несколько отдельных группок. Все были обдолбанные, пьяные или взвинченные, потому что приняли внутрь бесчисленное количество напитков и таблеток. И тут я увидел её.

Она была среднего роста, черноволосая, с выступающими скулами. Красивые ноги в фосфоресцирующих колготках. Она сидела, закинув ногу на ногу, на стуле у стойки бара. Волосы её приобретали разные оттенки, в зависимости от того, под каким углом на неё смотреть. Она тоже курила «Голден джойнт» и медленными движениями пила из высокого стакана с двумя ножками коктейль апельсинового цвета с зелёными кубиками льда. Глаза её блестели особенным блеском.

Она бросила взгляд в мою сторону и ещё раз затянулась сигаретой. Она была хороша собой. Я допил остаток своего шестого афинского слинга и улыбаясь двинулся к ней.

— Привет.

Она поцеловала меня взасос, больше не дав мне сказать ни слова. Когда она нагнулась ко мне, я заметил у неё на затылке хромированное штекерное гнездо. Наверняка она — метахакер. Вот мне повезло-то!

Мы трахались в туалете. Она дрожала всем телом, но не произнесла ни слова. Я тоже. Пол был залит лужей грязной воды с мочой, а в сторонке валялся в отключке какой-то тип, остриженный наголо и с обрезанными ушами. В его сплошь татуированной руке всё ещё торчал шприц.

Я кончил со странным звуком, застегнул брюки и порылся в карманах, ища «Голден джойнт». Она молча натянула свои трусики.

В большом зале оставалось всего человек десять. Клуб закрывался, и несколько чернокожих уже начали пылесосить пол. И тут она впервые хоть что-то произнесла:

— Дай мне сигарету.

Я снова вынул пачку.

— Не очень-то ты разговорчива, а?

Она посмотрела мне в глаза. Она носила умные контактные

линзы, которые меняли цвет в зависимости от душевного состояния носителя. Сейчас они были золотисто-зелёные.

— Я не разговариваю с незнакомыми людьми.

Я засмеялся.

— Но зато трахаешься с ними не задумываясь, а?

— Это разные вещи. Одно с другим не связано.

Казалось, она чувствовала себя оскорблённой. Я решил сменить тему.

— Метахакер? — спросил я и показал на хромированное штекерное гнездо у неё на затылке.

— Журналист? — спросила она, выпуская дым изо рта.

— Как ты догадалась? — удивлённо спросил я.

— Застывший взгляд, лицо человека, который, в основном, пропадает в Интернете в поисках информации. Охотник за данными. Это с самого начала было ясно, как только я тебя увидела. Просто намётанный глаз.

Я улыбнулся.

— Значит, ты знаешь, что за травку я курю, а?

— Для затравки «Голден джойнт», — она впервые улыбнулась. — А потом информационный смог из Интернета.

Я с самого начала знал, чего она хочет. Метахакер — одно из тех заслуживающих сострадания существ, которые подвергли себя трансплантации интерфейса, лет десять назад, когда это был самый писк. Они подсоединялись к компьютерным сетям и пропадали среди обломков информации в поисках новых миров и отменного кибернетического кайфа. До того момента, как локальные сети сменились подключением к Интернету.

Я не знал ни одного случая, чтобы метахакер выжил после того, как подсоединился к Интернету. Головокружительный поток гигабайт буквально выжигал ему нейроны, взрывал их изнутри в электронном оргазме беспримерного суперкайфа без обратного билета.

Я знал, чего она хочет. У журналиста в распоряжении всегда есть голомодем — если он хочет выжить как журналист. Я знал, что она тоскует по последнему виду кайфа, по смертельному торчку, по необыкновенному и неповторимому мгновению, которое ей не в состоянии дать ни одна простая гиперкомпьютерная среда.

Я знал, что часы её сочтены.

Я улыбнулся.

— Идём? — спросила она.

Я ничего не сказал, и мы вышли на улицу.

По площади Омония неутомимо двигалась людские массы, они спорили, ели, испражнялись, спали и глазели по сторонам. Празднество новоязычников за это время раскрутилось на всю катушку. Один из них как раз только что поджёг себя, и в воздухе стоял запах горелого мяса.

Мы шли пешком. На тёмном бульваре народу было мало, и торговцы давно уже свернули свои лотки. На углу сидел пьяный в луже собственной блевотины и горланил песни. Старик с деревянной ногой рылся в куче отбросов, а группа албанцев трахала молодого мужчину, который стоял на четвереньках и кричал им, чтоб поторопились. Невдалеке сидел шелудивый пёс и смотрел на них.

— А ты хорошо подумала? — спросил я её, закуривая ещё один «Голден джойнт». Я знал, что это дурацкий вопрос.

Она прямо посмотрела на меня. В её многоцветных глазах я увидел полную готовность, тоску человека, который мечтает отдать жизнь за последний кайф, человека, которому знакома Другая Реальность. Человека, который уже однажды побывал в стране лотофагов, отведавших медвяных плодов лотоса.

— Все, кто побывал в стране отчаяния, страдают потерей памяти, — сказала она.

Я не понял, кого она имеет в виду — себя или меня. Я так и не узнал этого.

На входе в подъезд дома валялся в глубоком сне грязный растафари со своей львиной гривой, употребивший незнамо сколько «бонков». Нищий старик, одетый в лётную офицерскую куртку, рылся в его карманах. Увидев нас, он отпрянул и принялся ругаться на незнакомом языке. У него был только один глаз, и из его правого уха свисал провод.

Мы пошли по пыльной лестнице вверх. Лифт не работал уже пятнадцать лет. На лестничной клетке пахло мочой и гниющими отбросами. Какая-то кошка выскочила из дыры в стене и пулей пронеслась мимо нас.

— Как тебя зовут? — спросил я обречённую на смерть.

— Какая теперь уже разница?

— Я стану фактически зачинщиком твоего самоубийства. Скажи мне, по крайней мере, как тебя зовут.

Мы поднялись ещё на один этаж, прежде чем она ответила:

— Джулия.

— А меня зовут Сакис, — сказал я, хотя мне было ясно, что моё имя интересует её в такой момент меньше всего. — Уменьшительное от «Атанассиос». То есть «бессмертный», — я улыбнулся.

Мы добрались до двери моей квартиры. Она насмешливо взглянула на меня.

— И ты веришь, что будешь жить вечно?

Я снова улыбнулся.

— Как знать? Сегодняшняя технология творит чудеса.

Она скривила гримасу.

— Ещё бы. Она создаёт метахакеров, киберсети, клонов и мутирующие вирусы.

Моя рука издала механический звук, когда я коснулся ручки двери.

— Она производит также искусственные конечности, — сказал я.

Впервые она проявила некоторый интерес.

— И откуда же у тебя эта искусственная часть?

— Это сделали протезисты из Осака, когда я потерял руку во время репортажа о трагедии «Нерва-экспресс».

— Значит, десять лет назад.

— Двенадцать. В то время в журналистском ремесле ещё были в ходу репортажи с места события. Мне ещё повезло. Другие лишились более важных органов. У моего старика — упокой Господь его душу — было кое-что отложено на чёрный день, в евро. Он и оплатил лучших протезистов, чтобы они заштопали мне дыру.

Мы вошли в квартиру. С выключенным стенным телевизором она казалась странно тихой и чужой.

— Один мой друг совершил в прошлом году путешествие с «Нерва-экспресс», — сказала Джулия, приводя в порядок свои волосы. — Вокруг Луны на самолёте, одна неделя в космическом «Хилтоне» и химический кайф с «бонком», с видом земного шара в небе.

— Однако, у твоего друга водятся деньжата, а? — спросил я, активируя робота-кофеварку. — Хочешь кофе?

— Его отец получил несколько патентов за производство лунного цемента. — Она заглянула в комнату. — Да, от кофе я не откажусь.

Я взял две из наименее грязных чашек и налил в них чёрной душистой жидкости. Джулия моментально осушила свою чашку. Потом она вдруг помотала головой и обречённо сказала:

— Давай уже скорее, не тяни.

Я активировал голомодем. Послышались жужжание и потом еле слышный свист. Я нажал несколько кнопок и отрегулировал окошко.

— Всё готово. Доступ к трём каналам с фотооптическим волокном на скорости 500 ультрабайт в наносекунду.

Интерактивная ретрогрессия с четырьмя японскими спутниками. Лучшего момента времени и пожелать нельзя. Кажется, погода к тебе особо благосклонна.

Она принуждённо улыбнулась.

— Приятно было с тобой познакомиться, — сказала она. — И спасибо.

— Минутку, — сказал я. — У меня в столе есть немного «бонка».

— Мне не надо.

— Зато мне надо, — сказал я и открыл двухцветную капсулу. Светящиеся зелёные кристаллы отражались в мониторах голомодема. На мониторах с головокружительной скоростью мелькали символы. Я вынюхал кристаллы и следил за тем, как сперва нос, потом горло и, наконец, лёгкие немели и становились нечувствительны. Во мне текло расплавленное золото, жидкий экстаз первого сорта, сама жизненная сила.

У Джулии были закрыты глаза, будто она ждала чего-то. Пока моё поле зрения, словно фотолинза, попеременно то сужалось, то расширялось, я взялся за электрод голомодема, отодвинул волосы Джулии в сторону и воткнул электрод в гнездо, вмонтированное в её затылок. Рот её был полуоткрыт. По щеке стекала слеза.

Моё сердце колотилось, как безумное. Зубы стучали, как кастаньеты. Я схватил Джулию в объятия и разорвал на ней трусики. У меня уже была мощная эрекция — благодаря «бонку». Я твёрдо и жестоко прорвался в неё. Но она этого, казалось, даже не заметила. Её нейроны уже были захвачены безжалостными байтами, неумолимым потоком данных, который хлестал её, потрошил и сжигал, как волосы в пламени свеч.

Я двигался всё быстрее. Символы и надписи на мониторах мигали непрерывно и тоже всё быстрее. Окружающий мир отодвинулся на задний план и стал чужим. В отблесках панели я видел на лице Джулии финальный экстаз, окончательное опьянение, последний кайф, какого ей не смог бы дать ни один химический наркотик. Я смотрел, как паромщик перевозит её душу через озеро Ахерузия, ко входу Гадеса.

Я видел, как поток данных затопил её мозг, её глаза, её тело. Я видел светящиеся точки, молнии, я слышал ароматы, видел песнопения и вдыхал краски.

Я кончил в тот самый момент, когда её мозг сгорел, как маленький мотылёк в сфокусированном пучке света увеличительного стекла. Превосходное единство инь и ян, могучий круговорот энергии, обмен сил, сверхъестественный, чудовищный чип, который был перегружен. А я был вампиром, который выпил то, что переливалось через край сосуда. И

последнее, о чём я впоследствии вспоминал, были наши обездвиженные тела, лежавшие на пыльном полу, затылок Джулии, в котором всё ещё торчал штекер модема, мой член, который всё ещё торчал в её влагалище, и отблески, которые всё ещё плясали на мониторах.

Утро понедельника

Я сижу в моём выпотрошенном кресле, курю «Голден джойнт» и уже вызвал программу для сочинения статей, которая должна вонзиться в Интернет. На сей раз речь в статье пойдёт об историческом фоне первого заселения Луны. Китайского, разумеется.

Труп Джулии забрала мастерская Накамитцу, японской фирмы, которая покупает и продаёт трансплантаты. Сердца, сетчатки, печени, лёгкие, почки и всё такое. Я продал её за баснословно хорошие деньги. Джулия была молода, а японцы никогда не скупятся. Мои евросчета становятся всё объёмнее. Ведь я не в первый раз стал зачинщиком самоубийства метахакера. И это, безусловно, было не в последний раз.

С одной стороны, деньги, вырученные от продажи её органов. С другой стороны, ещё больше денег от поглощения Интернетом сознания Джулии, её жизненной энергии, да что там, её жизненной силы.

Человеческое сознание — это поток информации. Невообразимого обилия информации, которая после миллионов лет биологического прогресса удивительным образом организована. Человеческое сознание — это самая деликатесная пища для Интернета.

Человеческое сознание — бесценная форма энергии для поддержания Интернета, незаменимая в упрочнении этой планетарной паутины, опутавшей Землю невидимым коконом и действующей как колоссальный вампир, который абсорбирует данные, пускает их по каналам.

Этот вампир высасывает человеческое сознание по бросовым ценам из бесчисленных голомодемов по всей планете. А снабженцы Интернета — от Америки до Тихоокеанского Кольца — хорошо платят за каждую человеческую душу, которая упадёт в его виртуальный плавильный тигель.

Эту работу я делаю уже много лет. Да, я всё ещё выдаю себя за журналиста, пишу и продаю статьи, но лишь по привычке. Не так долго мне осталось писать. Я всё чаще вечерами выхожу из

дома и пускаюсь на поиски метахакеров. Предпочтительно женщин. Когда-нибудь я скоплю столько денег, что всё брошу и смогу купить себе билет «Нерва-экспресс» — на Луну.

Там, наверху, в больном небе ещё есть Луна. Луна, которую мы когда-то покорили, а потом, когда дни славы миновали, на полстолетия забросили на свалку. Но в море Спокойствия неподалёку от обелиска мемориала Apollo стоят посреди древней пыльной равнины сооружения Накамитцу-Сити, колонии бессмертных. Там горстка людей будет жить века, напичканная чудодейственными медикаментами фирмы Накамитцу, которые, благодаря маленькой силе тяготения на Луне, оказывают удивительное воздействие. Клиенты на попечении фирмы веками будут жить под чёрным небом, и над ними неподвижно будет висеть бирюзово-зелёная Земля. Сегодняшняя технология творит чудеса. Она вызвала к жизни клуб бессмертных. И доступ туда измеряется в евро. Когда-нибудь я накоплю их столько, что смогу отправиться на Луну и стать членом клуба.

Сакис. Атанассиос. Бессмертный.

Я растоптал на полу «Голден джойнт». Встал и поискал в ящике стола капсулу «бонка». Сегодня я не буду выходить из дома. Но зато уж завтра выужу на берег двух метахакеров. А может быть, и трёх.